

УДК 82-193.2

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_5_34

М.Ю. Осокин

Саттахип (Таиланд)
mike.osokin@gmail.com

БИТВА СВИНЬИ С ОСЛОМ: ОБ ОДНОЙ НЕЗАМЕЧЕННОЙ ЭПИГРАММЕ НА А.П. СУМАРОКОВА И РЕАТРИБУЦИИ АНТИСУМАРОКОВСКОЙ ПРИТЧИ ВРЕМЕН ЛИТЕРАТУРНОЙ ВОЙНЫ 1760-Х ГОДОВ

Притча «Свинья в лисьей коже», которая приписывалась современниками Ф.И. Дмитриеву-Мамонову, в середине XIX в. была реатрибутирована М.В. Ломоносову, поскольку являлась ответом на притчу А.П. Сумарокова «Осел во львовой коже» (1760), направленную против Ломоносова. Это решение, как теперь представляется, принято без достаточных резоннов. На основании рукописной «Поэмы “Россия”» (1773) можно заключить, что Мамонов участвовал в плохо известных нам полемиках середины XVIII в., а вновь атрибутируемые ему (письмо в Московский университет от 11 мая 1770 г.) или прежде известные, но неверно интерпретированные тексты (предисловие к переводу «Любви Психеи и Купидона» Лафонтена) позволяют реконструировать его языковую программу и обосновать, почему он мог выступить против Сумарокова на стороне Ломоносова в литературной войне 1760 года. В статье также впервые приводится эпиграмма из бумаги Г.Ф. Миллера, относящаяся к той же полемике, но пропущенная первыми публикаторами «Свиньи в лисьей коже».

Ключевые слова: русская литература, XVIII в., Ф.И. Дмитриев-Мамонов, А.П. Сумароков, Ломоносов, басня, притча, литературная полемика.

Эпизод литературной войны 1760 г., связанный с антиломоносовской притчей А.П. Сумарокова «Осел во львовой коже» («Осел, одетый в кожу львову...») и ответной антисумароковской притчей «Свинья в лисьей коже» («Надела на себя свинья лисицы кожу...»), нужно разобрать заново. Во-первых, потому что комментаторы не заметили связи между ними и двумя другими текстами, относящимися к той же полемике, – эпиграммами «На что стояти мне, как будто пред богами...» и «На что мне пред людьми стоять как пред богами...». Во-вторых, потому что атетеза ответной притчи, приписывавшейся современниками Ф.И. Дмитриеву-Мамонову, и реатрибуция ее Ломоносову не имели, как теперь представляется, достаточных оснований.

«Осел во львовой коже» и «Эпиграмма»: текстология

В журнале «Праздное время в пользу употребленное. 1760 год. Февраля 12 дня» вышел материал XII «Разныя стихотворения», состоящий из трех текстов:

1) «Из Тита Ливия», где прозой излагается история изгнания Кориолана из Рима и приводится в стихах речь его матери Ветурии «Постой! не ведаю люблю или ненавижу...» Текст подписан «Из рускаго перевода в стихи переложил. С.» (с. 144–145).

2) «Притча. Осел во львовой коже». Без подписи (с. 146–148).

3) «Эпиграмма» («На что стояти мне, как будто пред богами...»). Подписана криптонимом «С.» (с. 148).

Первый текст – переложение «Повести о Каии Маркии Кориолане, из книги II историй Тита Ливия Патавийскаго», опу-

бликованной позже в «Барышке Всякия Всячины» [1770. 11 полулист. С. 489–493] в переводе Г.В. Козицкого [1, с. 28–29], – не связан с полемикой и в этом случае полезен только одним: он дополнительно свидетельствует, что автором всего блока, несомненно, был А.П. Сумароков. «Притча» и «Эпиграмма» же были взаимосвязаны или воспринимались как таковые в завязавшемся стихотворном споре, хотя позже при републикациях разводились по жанрам и разным разделам сочинений Сумарокова, что фрагментировало контекст¹.

Сюжетная основа притчи пришла из басни Лафонтена «Осел, одетый в шкуру Льва» (L'Âne vêtu de la peau du Lion, V, 21), восходящей к Эзопу. У Лафонтена это короткая басня из 14 стихов, в сумароковской – 62 стиха. Даже со скидкой на разбивку вольного ямба объем увеличился вчетверо: текст наполнился новыми смыслами, сословными претензиями и нацелился в Ломоносова: осел попрекался подлостью (низким происхождением), сравнивался с откупщиком, торговавшим подовыми пирогами на рынке или у кабака. Тот же смысл будет вложен в сумароковскую притчу «Обезьяна-стихотворец» [1763], где подлая Обезьяна (Ломоносов) не может «петь, Гомера подражая», ибо «как ей петь! Высоки мысли ей удобно ли иметь?»² Этот упрек предвосхищается в «Осле» – в пассаже о дураке из крестьян, который добивается чести и гордится, подобно ослу, нарядившемуся в шкуру льва. «Кричал, на

всех сердился» – отсылка к легендарной вспыльчивости Ломоносова и т. д. Текст этот я для экономии места опускаю, он перепечатывался, толковался и довольно известен.

Шедшая следом «Эпиграмма» –

*На что стояти мне, как будто пред богами,
Пред человеками; хотя они велят?
Полезно ль обществу, что ноги заболят?
Да я же головой тружусь, а не ногами.*

выглядела как дополнение к притче и заблаговременный ответ на критику: «С.» подозревает, что публика возмутится выпадом против Ломоносова, и возражает: Ломоносов не бог, чтобы пред ним преклоняться; если стоять на коленях перед людьми, заболят ноги, но автор «трудится головой» – это можно понять равно как «сам является сочинителем (не хуже, а то и лучше)» и/или «имеет самостоятельное, независимое суждение», – и отказывается почитать того, кто ошибочно считается авторитетом. Во всяком случае, так «Эпиграмма» была воспринята сочинителем ответной притчи «Свинья в лисьей коже» и ответной «Эпиграммы».

Возражения на притчу: «Свинья в лисьей коже» и «Эпиграмма»

Ответы последовали, вероятно, в том же году. В портфелях академика Г.Ф. Миллера сохранились два листа, озаглавленные как «Возражения на притчу осел во львиной коже» и содержащие два текста без подписи: «Притча. Свинья в лисей коже» и «Эпиграмма»³.

¹ Притча об осле перепечатывалась в собраниях сочинений Сумарокова и комментировалась как антиломоносовская, «Эпиграмма» републиковалась в числе сумароковских эпиграмм без комментариев. В издании, подготовленном П.Н. Берковым, в примечаниях указано, что «Осел во Львовой коже» впервые напечатан в «ПВ. 1760, 19 февраля, стр. 146–148» [Сумароков А.П. Избранные произведения / вступ. ст., подг. текста и примеч. П.Н. Беркова. Ленинград, 1957. С. 541], а «Эпиграмма» [у Беркова – «Эпиграмма»] – в «ПВ. 1760, март, 4, стр. 148» [Там же. С. 552]. Притча и эпиграмма не только отнесены в разные разделы по жанрам, но и ошибочно разведены по времени на месяц, хотя они были напечатаны в февральском номере вместе, в одном блоке, и, видимо, написаны по одному поводу. В позднейших собраниях сочинений Сумарокова ни притча, ни эпиграмма не воспроизводились.

² Там же. С. 217.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 199 (Портфели Миллера). Порт. 414. Д. 4. Л. 1–2. Список Миллера принят как основной в собрании сочинений Ломоносова [Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1959. С. 737–741, с указанием разночтений по «Разным стиходействиям», «Письмовнику» Курганова, книге Бычкова и списку Пекарского, о которых ниже], однако слово «возражения» (во множественном числе, что относилось к числу возражений и «Эпиграмму») без оговорки было напечатано как «возражение», а «Эпиграмма» проигнорирована и выброшена из полемики, иначе ее тоже пришлось бы приписать Ломоносову или хотя бы как-то интерпретировать.

Текст «Свиньи» я опускаю, он републикован и даже введен в корпус ломоносовских сочинений, где воспроизведен по миллеровскому списку в отрыве от «Епиграммы», которая до сих пор не напечатана, хотя представляет собой реакцию на «Епиграмму» из сумароковского блока и, как тогда выражались, «переворачивает» ее. Эти два текста также взаимосвязаны, причем без сумароковской «Епиграммы» непонятны некоторые стихи «Свиньи».

Епиграмма

На что мне пред людьми стоять как пред богами

*Зачем у ног своих покой мне отнимать,
Я лутче на главе всегда буду стоять,
Затем, что не главой горжусь я, но ногами.*

У «Свиньи» и «Епиграммы» очевидно один автор, оба текста построены на одном приеме и имеют перекрестную связь. «Лисица всем зверям подобно умирает / Когда она себе найти где есть не знает», – «переворот» стихов «Осла»: «Мне сказано и львы как кошки умирают, / И кожи с них здирают. / Когда преставится свирепый лев; / Не страшен левий зев»; сюжет о переодетой лисой Свинье, которая кичится родом перед настоящими лисицами, – отсюда же, тогда как навязчивое желание сидеть или лежать, когда Лев стоит («теперь в гости я сидеть ко льву збираюсь», «он будет сам стоять, а я у него лягу»), не имеет аналогии в «Осле», но объясняется из «Епиграммы»: это «перевернутое» нежелание Сумарокова «стоять пред человеками», «как пред богами».

Предполагается, что цвет шкуры лисицы – рыжий, что считывалось как намек на Сумарокова: «Сумароков был рыж и подслеповат, что проявлялось в частом моргани, причем и то, и другое свойство постоянно обыгрывается в направленной против него сатирической литературе» [2, с. 466]¹. «Кривляла рожу,

моргала» – намек на сумароковский тик, неоднократно упомянутый в эпиграммах: «...от моргослепых люди в опыте бегут»²; «Кто рыж, плешив, мигун, заика и картав, / Не может быть в том никак хорошей нрав» [5, с. 519]³; «Стопы ли нет в стихе, мигами навестай»⁴; «Хот<я> учением Аколась голопер, / Но думает взлететь стихами как Гомер. / Постой! Он впрямь ему изрядно подражает: / Гомер был слеп, он до того же домигает» [5, с. 520]⁵. Аколост (Сумароков) в эпиграмме Ломоносова на «Злбное примирение господина Сумарокова с господином Тредиаковским» (1759) «картавил и сипел, качался и мигал»⁶ и т. д. Свинья могла быть подсказана как 24-м стихом IV-й сатиры князя Антиоха Кантемира («Я свинью свиныею, а льва львом просто называю»), так и шаблоном литературной войны [ср. эпиграмму Тредиаковского на Сумарокова 1753 г.: «Когда, по-твоему, сова и скот уж я, / То сам ты нетопырь и подлинно свинья»⁷; ср. эпиграмму «На Попова»: «Я мнил, что в тварях нет из всех свиней гнуснее, / Однако в том я был церковника глупее. / По-Диогену я в руки взял фонарь, / Смотрел, не найдется

сумароковского «Осла», где была Лисица, которая начала «льстить» и прославлять переодетого осла, но узнав, что это не Лев, стала роптать, «что, вместо льва, осла всем сердцем почитала».

- ² Тредиаковский В. К. Феоптия [1754] // Тредиаковский В. К. Избранные произведения. Москва; Ленинград, 1963. С. 265.
- ³ Тредиаковский В. Надпись на С. // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального ун-та (далее – ОРК НБ КФУ). Д. 4542. Разная стиходействия. Л. 137. № 137. Ср. о заикающемся Архисотолаше (Сумарокове) у Тредиаковского: [2, с. 254–255].
- ⁴ [Тредиаковский В. ?] В одну минуту сто мигов жмур сделал вдруг... // ОРК НБ КФУ. Д. 4542. Л. 99. № 71. Тредиаковский называл Сумарокова «нетопырем» в стихотворении «Не знаю, кто певцов в стих вкинул сумасбродный...», здесь говорится: «По белом, нетопырь, ты свете не скучай...» На этом основании и в силу стиховедческих претензий («стопы ли нет в стихе, мигами навестай»), можно предполагать его авторство и этой эпиграммы.
- ⁵ На Сум<арокова> чрез Н<артова>? // Там же. Л. 98. № 68.
- ⁶ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 659.
- ⁷ Тредиаковский В. К. Не знаю, кто певцов в стих вкинул сумасбродный // Поэты XVIII века Т. II. Ленинград: Совет. писатель, 1972. С. 393.

¹ О моргани как о штампе и сигнале, сразу позволяющем угадать Сумарокова как объект сатирических нападок: [2, с. 466–468; 3, с. 235–236]; о рыжей шкуре лисицы как намеке на Сумарокова: [4, с. 187], но Свинья, переодетая лисицей, могла быть и результатом «переворота»

ль свиньи подлее тварь. / Как в летах молодых я мимо шол мокруши, / Свинные из грязи торчали тамо уши. / В блевотине при них поповская скуфья, / Конечно, эта тварь не лучше, как свинья»¹), дополнительно кодируемыми инициалами: Лев – Ломоносов, которого Свинья–Сумароков «с глупости» называет ослом.

Стих «Не вшел тем лев во гнев» значит, что Ломоносова сумароковская басня не задела. 49-летний Ломоносов не хотел ввязываться в перебранки, о ситуации с Тредиаковским он писал: «Отмстить завистнику *меня вооружают*, / Хотя мне от него отнюдь вреда не чают. / Когда Зо<и>лова хула мне не вредит, / Могу ли на него за то я быть сердит»². Эту эпиграмму он послал И. Шувалову, который и «вооружал» его «отмстить»³. Пытаясь в 1753 г. уклониться от ответа на сатиру И.П. Елагина, которого требовал от него Шувалов, Ломоносов просил «удовольствоваться» сочинением Н.Поповского в его защиту⁴, отмечая, что и критику от Елагина, и «похвалу» от Сумарокова он «пропустил бы... беспристрастным молчанием без огорчения», если бы не опасался ослушаться покровителя, которого сатира, очевидно, задела. Шувалов был инициатором полемики и, по рассказам И.Ф. Тимковского, П.И. Бартенева и др., развлекался тем, что стравливал литераторов⁵. Посвящая Шувалову поэму «Петр Великий» (1760), Ломоносов объявляет, что меценат на его стороне и изящно уходит от «шума пустых слов»: «В разборе убежден о правоте твоей, / *Пренебрегаю* злых роптание людей».

Ломоносов участвовал в полемике по понуждению Шувалова. В «Осле» же

Шувалов не задевался, и Ломоносов пренебрег выпадом. Ответ на «Осла», надо полагать, поступил со стороны и был несимметричным: выпад Сумарокова был печатным, а ответ на него – рукописным.

Атрибуция «Свиньи» Ф.И. Дмитриеву-Мамонову и история публикаций

Впервые «Свинья» была напечатана через четыре года после смерти Ломоносова, анонимно и в сокращении, в «Грамматике» Н.Г. Курганова, т. е. во второй части «Письмовника» в подборке «Присовокупление V. Собор разных стихотворств» (1769), в разделе «Притчи»⁶. В двух рукописных сборниках XVIII века «Свинья» приписывается Ф.И. Дмитриеву-Мамонову.

Первая атрибуция встречается в известной рукописной книге «Разная стиходействи» из библиотеки Казанского университета (ныне – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского, Казанский федеральный университет). В реестре она обозначена: «Мамонова Свинья в лисьей коже на г. С.» [7, с. 190], т. е. «на господина Сумарокова», а в самой подборке идет под заглавием: «Притча Свинья в лисьей коже на г. С. сочинена г. Мамоновым»⁷. Сборник этот сосредоточен на писательских перебранках 1750–60-х гг., за которыми его составитель⁸ внимательно следил, и отвергать атрибуцию нет никаких причин; на нем основаны атрибуции значительной части текстов, вошедших затем в собрания сочинений Баркова, Елагина, Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова, Фонвизина и других поэтов XVIII в. Это единственный раз, когда фамилия Мамонова упоминается в сборнике. Если в плотной полемике Тредиаковского, Сумарокова и Ломоносова составитель или перепис-

¹ На Попова // ОРИРК НБ КФУ. Д. 4542. Л. 75. № 38.

² Эпиграмма на Тредиаковского // Там же. Л. 65. № 27.

³ Тем более, что Тредиаковский, против которого она направлена, задевал в своих выпадах ломоносовских покровителей, ср. эпиграмму «Хоть глотку пьяную закрыл отвисши<й> зоб...»: «И так же ли щастлив мнишь в будущем быть веке, / Как здесь у многих ты в приязни и опеке» [Там же. Л. 75. № 37].

⁴ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 492.

⁵ О роли Шувалова как провокатора см.: [6, с. 138–151], о нем как о возможном инициаторе «Гимна бороде» [Там же, с. 127–137].

⁶ Свинья в лисьей коже // Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие. Санкт-Петербург, 1769. С. 276. Тут басня сокращена на 21 стих.

⁷ ОРИРК НБ КФУ. Д. 4542. Л. 89. № 55.

⁸ А.И. Артемьев считал составителем В.И. Полянского [7, с. V]; отвод кандидатуры: [8, с. 133, примеч. 9].

чик мог иной раз запутаться в адресатах, то здесь это указание явно не случайно, чтобы им можно было просто пренебречь.

Вторая атрибуция – в рукописной книге А.Ф. Бычкова «Книга, называемая когда что попало, собрана на Руси, в Крыму, в Молдавии, в Валахии, в Полше, на Волыни и в Литве как бы сказать с небольшими хлопотами 1792 года декабря 23 дня»: «Баснь Свинья в лисей коже на С. соч. Мамон.»¹.

В списке Миллера, который, отмечу еще раз, исправнее и полнее, атрибуция отсутствует, но, как теперь выяснилось, академик и бригадир общались, вели переписку, обменивались книгами, в частности Миллер получил от Мамонова выбитые им в 1770 г. медали, которые через него стали известны другим академикам, экземпляр сборника медалей «Слава России» и список его «Поэмы “Россия”» [9, с. 235–236]. Можно предположить, что Миллер знал автора и обстоятельства стычки.

Полная версия рукописной «Свиньи» впервые была опубликована в 1858 г. П.П. Пекарским и реатрибутирована Ломоносову [10, с. 385–488] по неизвестному ныне рукописному сборнику: «Недавно пишущему эти строки попался старинный рукописный сборник различных стихотворений, по большей части неудобных к печати. Вероятно, он писан в 70-х годах прошлого столетия (между прочими стихотворениями встречаем одно на взятие Пугачева); многия из пиес не подписаны, но встречаются также и с именами Ломоносова, Сумарокова, Баркова, Федора Мамонова. На первый раз сообщаем здесь два стихотворения, котория приписаны Ломоносову» [10, с. 486]. Далее приводился текст притчи, а в сноске сообщалось: «В казанском сборнике басня эта приписана Мамонову (о нем упоминается в Словаре митрополита Евгения ч. 2, стр. 45); но, по нашему мнению, справедливее считать ее произведением Ломоносова. – *Ред.*». Редактор обошелся с атрибуцией XVIII в. просто:

отбросил ее, потому что она не отвечала набору имевшихся у него сведений.

Сборник Пекарского, судя по тому, что о нем сказано, – одно из собраний барковианы, где между «неудобными к печати» стихами затесались рукописные полемические сочинения. Собирался он не ранее 1775 г., роспись содержания его не опубликована², атрибуция притчи сходится с интерпретациями Пекарского, биографа Ломоносова. Имя Мамонова, однако, встречалось и в том сборнике³.

Пекарский не знал списка Миллера, где «Свинья» обозначена как ответ на сумароковского «Осла», и установил сатирический таргетинг самостоятельно, основываясь на указаниях составителя «Разных стиходействий», что басня направлена «на г. С.»: «“Свинья” – бесспорно ответ на притчу А.П. Сумарокова “Осел во львовой коже”, которую Ломоносов имел полное основание принять на свой счет» [10, с. 486]. Однако атрибуция была отвергнута, и авторство Ломоносова установлено механически: в силу того что он задевается в притче, и на основании другого, менее надежного списка. Более существенным основанием стало то, что о Мамонове тогда было мало что известно, и его имя казалось случайным в этом контексте.

«Разныя стиходействии» и другие открытые позже сборники И.О. Селифонтова [12, с. 99–104], Миллера [13, с. 56–64] и А.А. Ржевского [8, с. 131–148], фиксирующие литературные полемики, показывают, что войны 1750–60-х гг. велись не только между двумя оппонентами, но и между партиями, или лагерями, в которые объединялись или

² На второй случай не было сообщено ничего. В академическом собрании сочинений Ломоносова, где учтены варианты этой редакции, он описан так: «Рукописный сборник П.П. Пекарского (местонахождение неизвестно; варианты приводятся по: История имп. Академии наук в Петербурге Петра Пекарского, т. II. СПб., 1870–1872. С. 605, прим. 2» [Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 1213].

³ Если это барковиана, возможно, там ему приписывалось «Письмо Приапу», как в ряде других списков [11, с. 371, 387, 391], или «Ода Приапу», как в сборнике 1824 г. «Флора» [НИОР РГБ. Ф. 178. Музейное собрание. № 1024, л. 105].

¹ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ). Ф. 265. Оп. 3. № 9; Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 737.

к которым на время примыкали другие литераторы. В травлях И.П. Елагина за «Сатиру на петиметра и кокеток» [1753] и Ломоносова за «Гимн бороде» [1757] были заняты как минимум несколько авторов. Сторону Ломоносова в литературной войне принимали, кроме прочих, И. Барков, Н. Поповский, А. Нартов, М. Херасков¹, а на стороне Сумарокова «воевали» В. Майков, Ф. Эмин и И. Елагин. Отношения литераторов были сложнее, чем прямой обмен личными выпадами, о чем Сумароков скажет в эпиграмме «На место соловьев кокушки здесь кокуют...»:

*Лишь только закричит кукушка на суку,
Другия все за ней кричат куку, куку².*

Она написана в ответ на московские эпиграммы после постановки «Синава и Трувора», но по ней виден самим Сумароковым отмеченный характер литературных войн: литераторы разделены на лагеря и нападают «стаями».

Атрибуцию «Разных стиходействий» следует учесть еще и потому, что этот сборник, в отличие от списка Пекарского, сконцентрирован на полемике и последовательно отражает картину литературных войн. Антиломоносовская направленность притчи Сумарокова «Осел» и антисумароковская направленность притчи «Свинья» не доказывают автоматически принадлежность «Свиньи» Ломоносову. Это слабое место было проигнорировано, и против авторства Мамонова стали наваливать дополнительные аргументы, основанные уже исключительно на интерпретациях.

Попытка реатрибуции «Свиньи» Мамонову

М.И. Сухомлинов повторил атрибуцию при подготовке сборника сочинений Ломоносова: «Справедливее ее [басню] считать произведением Ломоносова», который «принял на свой счет намеки на

незнатное происхождение». «Отплата за намеки произведена была тою же монетою: свинья в лисьей коже представлена вралем и чрезвычайно уверена в своем превосходстве...» [3, с. 265]. Сухомлинов, отводя авторство Мамонова, заметил, что жанр басни для него невозможен, поскольку он-де сторонник «высокого штиля» и отвергает «низкими словами наполненный слог» Лафонтена. Здесь несправедливо примерно всё.

Во-первых, в предисловие к переводу «Психеи» – то самое, на которое ссылался Сухомлинов, доказывая невозможность «низких» жанров для Мамонова, – включена подборка из *одинадцати* сочинений российских авторов, представляющих образцы русской поэзии, из них *восемь* текстов – это басни и притчи: «Послушайте, прошу, что старому случилось» Ломоносова, «Старик со своим сыном и осел» и «Феб и борей» Сумарокова, «Солнце и борей (северный ветер)» Третьяковского, басни «Румяна и мушки» и «Двуличной цвет» из первой книги «Нравоучительных басен Михайла Хераскова» [1764], «Неосновательная боязнь» и «Скупой» из сборника «Нравоучительные басни» Василия Майкова [1766]³. Невозможно заявлять после этого, что Мамонов отвергал басни. К слову, три известные басни Ломоносова, если вычесть «Свинью», – это переводы из Лафонтена для иллюстраций термина «притча» в «Кратком руководстве к красноречию»; впрочем, здесь вообще неуместно говорить о возможности или невозможности жанра для любого из этих поэтов, поскольку эта притча – ответ на притчу же, жанр подсказан полемикой.

Во-вторых, неверно – и эта ошибка будет повторяться позднее [15, s. 109; 16, s. 161–162] – интерпретировано предисловие Мамонова. Оно направлено не против басен, а против трагедийных приемов «неблагородной шутовности»,

¹ Змеяд в комедии Хераскова «Ненавистники» (1770) изъясняется языком Сумарокова и едва ли не цитирует сумароковского «Осла»: «Конечно, просвещать не всякого годится, / Иной к сохе у нас, иной к чинам родится»; переключку отметил Д. Ивинский [14, с. 129].

² Сумароков А.П. Избранные произведения. С. 224.

³ Другие тексты, вошедшие в подборку: «Ночную темноту...» Ломоносова, «Боже! коль есть правоты полн / Твой суд престольный» Третьяковского (перевод сонета Жака Валле де Барро) и мамоновская «Эпистола о разуме».

которые разбирались на материале басен Лафонтена [9, с. 148, 583–588]. Мамонов, критиковавший французского поэта за бурлескную номинацию Юпитера («*Jupin*, что инако невозможно на нашем языке изъяснить, как *юша*»), героикомические титулы животных, неподобающие их статусу («*sir Loup*: что на нашем языке инако не можно сказать, как *ваше величество волк*», «*seigneur Ours*: что значит на нашем языке *государь медведь*; также неприлично, потому что в басенном слоге, также оный титул свойственен из зверей одному льву»), и клички мышей, заимствованные из «Батрахомиахии», спустя год осудит изображения античных богов в неподходящих одеждах. С критикой бурлеска переключается мамоновское требование пропорций и благопристойности в искусстве, ибо, как писал он в письме в библиотеку Московского университета, «не знающий благопристойности художник легко может облещи Марса в спальную одежду и на ноги его возложить туфли», а Юпитера – в латы [9, с. 146]¹. Бурлеск, по Мамонову, неблагопристоен, как и все, что идет вразрез с классицистической традицией; это род беспорядка, дурного хаоса, порождаемого злонравием: добродетельная душа любит во всем порядок, беспорядок же любит злонравная и подлая душа [9, с. 747]. Похвалы порядку, симметрии, разумному и продуманному устройству – лейттема его сочинений, в том числе «Правил офицеру», «Эпистолы генералу», «Эпистолы о разуме», поэм «Любовь» и «Россия». На этой идее замешаны метризованные каталоги, перечисления и описания архитектурных ордеров: «Порядок есть везде ума людцкаго дело»².

Наконец, в-третьих, в мамоновском предисловии на с. 17–18 есть сопоставление текстов Ломоносова и Сумарокова, написанных на один сюжет («Мельник, его сын и осел» Лафонтена). Мамонов

утверждает, что «пиэса в сем предисловии сочинения г. Ломоносова, прекрасна»: «И в 18 стихах, все то с легкостью изъяснено, что в III пиэсе (т. е. в сумароковской. – *М.О.*)... изъяснено 58 стихами»³. Поместив рядом для сравнения одну и ту же басню в переложении Ломоносова и Сумарокова, Мамонов воспроизводит их собственный эдиционный опыт поэтического состязания 1743 г. по переложению псалмов, и сравнение заканчивается не в пользу Сумарокова: «Разные автора, и разной слог, но дарование отличное есть в изъяснении, в таком, что лучше понять и разуметь возможно»⁴, т. е. Сумароков – сочинитель лишь «одаренный», а сочинение Ломоносова «прекрасно», а его изложение – короче, чище, доступнее, понятнее и потому предпочтительнее. Ломоносов хвалится за способность передать содержание кратко и ясно (возможную, как видим, и в басне) и противопоставляется Сумарокову, который превысил против него объем более чем втрое, не обходясь без слов «взмостился», «навьютил», «взрютил» [взвалил, положил сверху], из которых, по крайней мере, последнее (а, судя по выписке, и все три), Мамонов считал невразумительным просторечием. Просторечие он осуждает в том же предисловии («низкими словами наполненной слог я так оставляю, как оставляю и не слушаю тех людей, которые говорят степною речью и произношением») и в «Эпистоле о разуме», где язык крестьян противопоставляется благородному городскому: «Из степи в град пришед крестьянин столько врют, / Что смехом надсадит всех слышащих живот. / Егокает, и глас так странно он ломает, / Что трудно и понять, что сей егун вещает»⁵.

¹ Прибавление к № 41 Московских ведомостей, в пятницу мая 21 дня, 1770 года. С. 2–3.

² [Дмитриев-Мамонов Ф.И.]. Эпистола о разуме // Лафонтен Ж., де. Любовь Псиши и Купидона. Москва: Печатана при Имп. Моск. ун-те, 1769. С. 15.

³ [Дмитриев-Мамонов Ф.И.]. К читателю // Любовь Псиши и Купидона... С. 17. Речь о притче «Послушайте, прошу, что старому случилось...» Ломоносова и притче «Старик со своим сыном и осел», вошедшей во вторую книгу «Притч» Сумарокова 1762 года. Между прочим, следующей (третьей) притчей в этой книге идет «Осел во львовой коже».

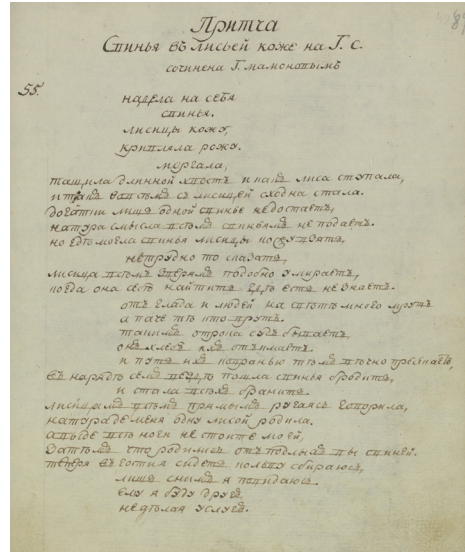
⁴ [Дмитриев-Мамонов Ф.И.]. К читателю. С. 18.

⁵ [Дмитриев-Мамонов Ф.И.]. Эпистола о разуме. С. 12.

Мамонов выписывает то, что плохо у Сумарокова, и то, что хорошо у Ломоносова (обычный в то время жанр литературной критики – выписки удачного и неудачного), и подводит к мысли, что Ломоносов выше Сумарокова. «Дарование отличное» значит «разное», «пьеса» Ломоносова названа «прекрасной», а о сумароковской того же не сказано.

Из этого ясно, что помещенные в антологию тексты котируются неодинаково, но расположены рядом для сравнения. С той же целью туда помещены сочинения Тредиаковского, которого Мамонов, как будет видно из его «Поэмы “Россия”», считал плохим и темным автором. В этой градации (первым идет Ломоносов, вторым Сумароков, третьим Тредиаковский) есть аксиология. Из предисловия выясняется разница мамоновской и сумароковской языковых программ: Мамонову близка высокая поэзия Ломоносова – слог, наполненный благородными словами, и «ровная материя».

П.Н. Берков, приняв без оговорок авторство Ломоносова, попытался разделиться с атрибуцией Мамонову с помощью фрейдистской фантазии: «Ломоносовская притча была, насколько можно судить по сохранившимся данным, последним полемическим сочинением поэта. Он, повидимому (*так!*), не считал даже нужным печатать ее, и она дошла до нашего времени в ряде списков, атрибутируемых (*так!*) чаще всего не ему, а поэту Мамонову, что, как доказано акад. М.И. Сухомлиновым, совсем не верно... описка в первой букве фамилии Ломоносова, при сокращенном написании первых двух слогов – Момон., вместо Ломон., – могла дать чтение Мамонов» [17, с. 269]. П.Н. Беркову очень *хотелось*, чтобы там было написано «Ломоносов», но сокращение было только в книге Бычкова, и выглядело как «Мамон.», а не «Момон.», а в казанском списке фамилия дважды названа полностью (ил. 1).

Комментаторы академического собрания сочинений Ломоносова перепечатали «Свинью», пересказав доводы, разобранные выше, перетолковали басню в пользу его авторства¹ и бодро сообщили, что авторство Ф.И. Дмитриева-Мамонова «единодушно и справедливо отвергнуто всеми исследователями»². С тех пор текст числится среди ломоносовских сочинений. Никого не насторожила отмеченная Берковым странность: рукописный ответ на печатный текст имел бы смысл только если он получился непечатным или слишком оскорбительным. Атрибуция текста Мамонову объясняет несимметричность: если на притчу и эпиграмму отвечал сам Ломоносов, он постарался бы их тоже опубликовать. Мамонов же не печатал свои сочинения до 1769 г., и большая часть его книг осталась неизданной.

Главной причиной столь решительной атетезы был не сборник Пекарского. Найти новое сочинение Ломоносова, несомненно, приятнее, чем сочинение какого-то Мамонова, который к тому же не вписывался в известный кусок исто-

¹ Собственных аргументов они не добавили, если не считать интерпретации стиха «Я нестрашуся громов»: «Ломоносов намекает, по-видимому, в этом случае на свои работы по исследованию атмосферного электричества» [Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 1153].

² Там же. С. 737, 1151.

рии, поэтому от него избавились. Когда историк литературы отбрасывает такие приписки и отдает предпочтение реконструкциям, отвечающим его собственным представлениям, он начинает выстраивать параллельную – похожую, но не аутентичную, – историю литературы.

Мамонову литературная полемика тех лет была безразлична. В «Поэме "Россия"» (1773) содержатся запоздалые нападки на темный слог уже покойного Тредиаковского:

Штивелиуса слог когда мы слаб читаем,
Мы с книгою тогда в руках все засыпаем,
Заснувши, лутче нам во сне то отгадать,
Что въявь Штивелиус не мог
растолковать,
Кто слаб мешает слог дел малости с
геройством,
Ни коршун, ни павлин он будет своим
свойством.
В странице *яко* где раз двадесять стоит,
И *яко* якоже речь всякую душит,
Котора без того довольно бестолкова,
Читаючи сто раз, читать всьо будеш
снова.
Кто слабость сам свою не знает ощутить
И без толку писмом всех придет тяготить,
Подобен птицам, что машиной глас
пускают,
Они всьо невпопад крыле свои вздымают
[9, с. 425–436].

Это позволяет как минимум заключить, что Мамонов мог участвовать в литературных войнах начала 1760-х годов. Он использует кличку Тредиаковского, которой пользовались Сумароков в «Эпистоле о стихотворстве» (1748), Ломоносов («Штивелий уверял, что муж мой худ и слаб» – в стихотворении «На сочетание стихов Российских», <не ранее 1951 – не позже 1953>), автор сатиры «Возражение, или Превращенный пети-метр» 1753 г. («...сам Штивелиус не может так соврать»), и цитирует сумароковскую притчу на сюжет Федра «Коршун в павлиных перьях»: «Рассмотрен наконец богатый господин, / Ощипан он, и стал ни

Коршун, ни Павлин»¹. Этот образ повторяется в его же, Сумарокова, притче «Коршун» (<не позже ноября 1760>): «Стал коршун быть павлин: / В ево он перьях был великой господин. / Но птицы протчия безумца ощипали»². «Коршунов» принято относить к полемике Сумарокова с Ломоносовым, но Мамонов направляет образ на Тредиаковского. Исходя из критики слова «яко», можно полагать, имеется в виду «Элегия о смерти Петра Великого»: «Но Паллада прежде всех тут оцепенела, / Уразумевши, *яко* Петра уж не стало <...> Вем, что не должно храбру, но быти не можно, / Егда вем, *яко* уснул ныне ты не ложно <...> Но у Бога велика радость процветает: / *Яко* Петр пребывает весел ныне в небе, / Ибо по заслугам так ему быти требе»³. Вероятно, в начале 1770-х гг. Мамонов повторил претензию, обдуманную ранее, или обратил внимание на «Элегию», когда сочинял «Надписи к изваянному изображению Петра Великого». Мамоновские надписи были опубликованы дважды, и оба раза анонимно – в письме к университету в «Московских ведомостях» [9, с. 146–148], и в его книге «Слава России, или Собрание разных медалей» (1770). Надписи эти, сочиненные по следам ломоносовских, Мамонов символически полагал началом своих литературных занятий, сравнивая себя с сыном лидийского царя Креза, который был немой, но заговорил, когда увидел, как какой-то перс при взятии акрополя, не узнав царя, обнажил меч, собираясь его убить.

Мораль

Итак, каждый из аргументов, сопровождавших атетезу, можно оспорить. Имя Мамонова, которым «Свинья» подписана в двух прижизненных сборниках, перестает выглядеть случайным. Он был знаком с Сумароковым по Петербургу,

¹ Праздное время, в пользу употребленное. 1760. 14 октября. С. 423–424; Сумароков А. Избранные сочинения в стихах. Москва: ОГИ, 2018. С. 329.

² Там же. С. 331.

³ Тредиаковский В.К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / изд. подг. Н.Ю. Алексеева. Санкт-Петербург: Наука, 2009. С. 437–439.

где квартировал Семеновский полк, и где они состояли в одной масонской ложе¹. Его языковая программа близка к ломоносовской, он последовательно осуждает бурлеск и героикомику, реабилитированные Сумароковым в «Эпистоле о стихотворстве», и вообще смешение «дел малости с геройством» (выражение из «Поэмы "Россия"»), ценит одного выше другого и берется ответить на сумароковский выпад против Ломоносова.

Единственное, что кажется странным для Мамонова, литератора радикально дворянского самосознания, считавшего свой род от Рюрика через потомков последнего великого князя Смоленского Юрия Святославича: он совершенно снял вопрос о низости происхождения и перевел разговор в сферу чисто литературной иерархии, хотя это тоже можно объяснить. Во-первых, для Мамонова, который о князе А.Я. Хилкове скажет: есть «роды таковы, где ждал он у стола» [9, с. 376], дворянство Сумарокова вовсе не таково, чтобы им похвалиться. Во-вторых, Мамонов, почитатель петровского законодательства, с одобрением писал о получении дворянства за воен-

ную службу², т. е. разделял идею выслуги, введенную «Табелью о рангах», и в случае Ломоносова мог пренебречь происхождением, имея в виду заслуги.

Мамонов отстаивает репутацию Ломоносова как первого русского стихотворца, которую пытался оспорить Сумароков. Как часто у Мамонова намерение выражается прямым текстом. Лев российской литературы говорит Свинье: «Была б ты не свинья, / Так знало бы кто я, / И знало б<, > обо мне какой свет носит слух». Эта мораль – не стоило Сумарокову непочтительно отзываться о Ломоносове, потому что всякий, кроме свиньи, может по справедливости рассудить, где Ломоносов, а где Сумароков, – совпадает с тем, что Мамонов скажет об этих двух сочинителях в предисловии к «Психее» с редкою для него деликатностью: «...все могут иметь удовольствие видеть разной оных слог. <...> Разные автора, и разной слог, но дарование отличное...»

¹ См.: Олсуфьев М. Донесение о масонах // Летописи русской литературы и древности, издаваемая Николаем Тихонравовым. Т. IV. Москва, 1862. С. 49–52.

² Ср.: «В разсуждении военной службы нигде в Европе столько справедливости не оказывается кроме России; тем, кои низкой природы, естьли они себя благопристойно, верно и храбро поведут, за что не точию офицерские чины, но еще и дворянство получить могут». См.: [Дмитриев-Мамонов Ф.И.] К читателю // Правила, по которым всякой офицер следуя, военную службу с полным удовольствием продолжать может. Москва: Печатаны при Имп. Моск. ун-те, 1771.

Список литературы

1. Николаев С.И. Отрывок «Из Тита Ливия» А.П. Сумарокова // XVIII век. Сб. 28. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2015. С. 28–33.
2. Успенский Б.А. Вокруг Третьяковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. Москва: Индрик, 2008. 608 с.
3. Сочинения М.В. Ломоносова. С объяснительными примечаниями академика М.И. Сухомлинова. Т. 2. Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук, 1893. 426 с.
4. Клейн И. Русская литература в XVIII веке. Москва: Индрик, 2010. 440 с.
5. Афанасьев А.Н. Образцы литературной полемики прошлого столетия // Библиографические записки. 1859. № 17. С. 513–528.
6. Ивинский Д.П. Ломоносов в русской культуре. [Б. м.]: Издательские решения, 2016. 174 с.
7. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Императорского Казанского университета, составленное А.И. Артемьевым / изд. Археогр. Комис. Санкт-Петербург: Тип. братьев Пантелеевых, 1882. 372 с.

8. Мартынов И.Ф., Шанская И.А. Отзвуки литературно-общественной полемики 1750-х годов в русской рукописной книге (Сборник А.А. Ржевского) // XVIII век. Сб. 11: Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Ленинград: Наука, 1976. С. 131–148.
9. Дмитриев-Мамонов Ф. Дворянин-философ: «Известия», рукописные книги, медали и «системы» (1770–1780) с материалами к его биографии и комментариями М. Осокина. Москва: Б.С.Г.-пресс, 2019. 1223 с.
10. Пекарский П.П. Материалы для истории русской литературы. II. Ломоносов: эпиграмма его на стихотворца Шишкина. – Пародия-памфлет на притчу Сумарокова. Насмешка над выраженем в трагедии «Гамлет» // Библиографические записки. 1858. № 16. С. 485–488.
11. Зорин А., Сапов Н. [Панов С.]. Обзор рукописных сборников барковианы, Примечания // Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова. Москва: Ладомир, 1992. С. 369–382, 385–399.
12. Серман И. Из литературной полемики 1753 г. // Русская литература. 1964. № 1. С. 99–104.
13. Моисеева Г.Н. К истории литературно-общественной полемики XVIII в. // Искусство слова: сб. ст. к 80-летию чл.-кор. АН СССР Дмитрия Дмитриевича Благого. Москва: Наука, 1973. С. 56–64.
14. Ивинский Д.П. М.М. Херасков и русская литература XVIII – начала XIX веков. Москва: Р. Валент, 2018. 216 с.
15. Brang P. Studien zu Theorie und Praxis der russischen Erzählung 1770–1811. Wiesbaden: Harrassowitz, 1960. 285 S.
16. Warda A. Refleksje teoretyczne na temat bajki ezopowej w Rosji w XVIII wieku // Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Litteraria Rossica. 2010. № 3. S. 157–164.
17. Берков П.Н. Ломоносов и литературная полемика его времени: 1750–1765. Москва: Изд-во АН СССР, 1936. 334 с.

Сведения об авторе:

Осокин Михаил Юрьевич, кандидат филологических наук, независимый исследователь

Мoo 4, Tambon Tasao, Amphor Muaeng, Uttaradit 53000 Thailand
mike.osokin@gmail.com

Дата поступления статьи: 31.07.2021

Одобрено: 20.09.2021

Дата публикации: 28.09.2021

Для цитирования:

Осокин М.Ю. Битва свиньи с ослом: об одной незамеченной эпиграмме на А.П. Сумарокова и реатрибуции антисумароковской притчи времен литературной войны 1760-х годов // Сфера культуры. 2021. № 3 (5). С. 34–46. DOI: 10.48164/2713-301X_2021_5_34

УДК 82-193.2

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_5_34

M.Yu. Osokin

(Sattahip, Thailand)
mike.osokin@gmail.com

THE BATTLE BETWEEN A PIG AND A DONKEY: ON THE REATTRIBUTION OF THE FABLE AGAINST SUMAROKOV FROM THE LITERARY WAR OF THE 1760s

The fable "The Pig in a Fox's Skin" (1760) was attributed to F. I. Dmitriev-Mamonov in at least in two manuscripts of the eighteenth century. It was later reattributed to M. V. Lomonosov, mainly because this was seen as a response to A. S. Sumarokov's fable "The Donkey in a Lion's Skin" (1760) directed against Lomonosov. This article shows that this reattribution was mistaken. Based on the manuscript of Mamonov's poem "Russia" (Poema Rossiia, 1773); on a letter newly attributed to Mamonov (dated May 11, 1770, to Moscow University); and on a previously known but incorrectly interpreted text (the preface to his translation of

La Fontaine's "Love of Psyche and Cupid") we can reconstruct Mamonov's language program and explain why he would have opposed Sumarokov in favor of Lomonosov in the literary conflict of the 1760s. The article also presents a heretofore-unpublished epigram from G.F. Müller's papers concerning the same dispute that was overlooked by the first publishers of "The Pig in a Fox's Skin."

Keywords: Russian literature, eighteenth century, F.I. Dmitriev-Mamonov, A.P. Sumarokov, Lomonosov, fable, literary controversy.

References

1. Nikolaev, S.I. (2015) Otryvok «Iz Tita Livii» A.P. Sumarokova [An Excerpt 'from Titus Livius' book' by A. P. Sumarokov]. *XVIII vek*, 28 [The Eighteenth Century, 28]. Moscow; St. Petersburg: Al'ians-Arkheo, 28–33. (In Russian).
2. Uspenskii, B.A. (2008) *Vokrug Trediakovskogo. Trudy po istorii russkogo iazyka i russkoi kul'tury* [Around Trediakovsky: Works on the history of Russian language and culture]. Moscow: Indrik. (In Russian).
3. *Sochineniia M.V. Lomonosova. S obiasnitel'nymi primechaniiami akademika M.I. Sukhomlinova* (1893) [The Works of M.V. Lomonosov. With notes by Academician M. I. Sukhomlinov]. St. Petersburg. Vol. 2. (In Russian).
4. Klein, J. (2010) *Russkaia literatura v XVIII veke* [Russian literature in the eighteenth century]. Moscow: Indrik. 440 p. (In Russian).
5. Afanas'ev, A.N. (1859). *Obraztsy literaturnoi polemiki proshlogo stoletiiia* [Examples of a Literary Controversy of the Last Century]. *Bibliograficheskie zapiski* [Bibliographical notes]. 17, 513–528. (In Russian).
6. Ivinskii, D.P. (2016) *Lomonosov v russkoi kul'ture* [Lomonosov in Russian Culture]. [N.p.]: Izdatel'skie resheniia. (In Russian).
7. *Opisanie rukopisei, khраниashchikhsia v biblioteke Imperatorskago Kazanskago universiteta, sostavlennoe A.I. Artem'evym.* (1882) *Izdanie Arkheograficheskoi Komissii* [Guide to the Manuscript Collection of the Imperial Kazan University Library by A. Artemiev]. St. Petersburg. (In Russian).

8. Martynov, I.F., Shanskaia, I.A. (1976). Otvuki literaturno-obshchestvennoi polemiki 1750-kh godov v russkoi rukopisnoi knige (Sbornik A.A. Rzhhevskogo) [Echoes of Literary Controversies of the 1750s in a Russian Manuscript Book (A.A. Rzhhevskii's Collection)]. *XVIII vek. Sb. 11* [The Eighteenth Century, 11]. Leningrad: Nauka, 131–148. (In Russian).
9. Dmitriev-Mamonov, F. (2019) *Dvorianin-filosof: «Izvestiia», rukopisnye knigi, medali i «sistemy» (1770–1780) s materialami k ego biografii i kommentariiami M. Osokina* [A philosopher-nobleman. News, Manuscripts, Medals and 'Systems' (1770–1780) with materials for his biography and commentaries by Mikhail Osokin]. Moscow: B.S.G.-press. (In Russian).
10. Pekarskii, P.P. (1858) *Materialy dlia istorii russkoi literatury* [Materials Toward a History of Russian Literature]. *Bibliograficheskie zapiski* [Bibliographical notes]. 16, 485–488. (In Russian).
11. Zorin, A., Sapov, N. [Panov S.] (1992) *Obzor rukopisnykh sbornikov barkoviany, Primechaniia* [Survey of the manuscript collections of barkoviana, Notes]. *Devich'ia igrushka, ili Sochineniia gospodina Barkova* [A Maiden's Plaything, or the Works of Mister Barkov]. Moscow: Ladomir, 369–382, 385–399. (In Russian).
12. Serman, I. (1964) *Iz literaturnoi polemiki 1753 g.* [From the Literary Controversy in 1753]. *Russkaia literatura* [Russian Literature]. 1, 99–104. (In Russian).
13. Moiseeva, G.N. (1973) *K istorii literaturno-obshchestvennoi polemiki XVIII v.* [Toward a History of the Literary and Social Polemics of the Eighteenth Century]. *Iskusstvo slova. Sbornik statei k 80-letiiu chl.-kor. AN SSSR Dmitriia Dmitrievicha Blagogo* [The Art of the Word: A Festschrift for . . . D.D. Blagoi]. Moscow: Nauka, 56–64. (In Russian).
14. Ivinskii, D.P. (2018) *M.M. Kheraskov i russkaia literatura XVIII – nachala XIX vekov* [M.M. Kheraskov and Russian literature of the eighteenth – early nineteenth century]. Moscow: R. Valent. (In Russian).
15. Brang, P. (1960) *Studien zu Theorie und Praxis der russischen Erzählung 1770–1811.* Wiesbaden: Harrassowitz.
16. Warda, A. (2010) *Refleksje teoretyczne na temat bajki ezopowej w Rosji w XVIII wieku* [Theoretical Reflections on Aesop's Fables in Russia in the Eighteenth Century]. *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Litteraria Rossica.* 3, 157–164.
17. Berkov, P.N. (1936) *Lomonosov i literaturnaia polemika ego vremeni: 1750–1765* [Lomonosov and Literary Controversies of His Time: 1750–1765]. Moscow: Izd-vo AN SSSR. (In Russian).

About the author:

Mikhail Yu. Osokin, PhD in philology, independent researcher

Moo 4, Tambon Tasao, Amphor Muaeng, Uttaradit 53000 Thailand
mike.osokin@gmail.com